B165 360

ЦѢНА 5 КО.

КИНЕМАТОГРАФЪ ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ

КАЗАКИ ИДУТЪ!

РАЗСКАЗЪ РАНЕНАГО

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА „НОВ. ВСЕМ. ИЛЛ

Бриг. 1102 1114 г. 13196 XX-XIV

КАЗАКИ ИДУТЪ!

РАЗСКАЗЪ РАНЕНАГО.

Государств. публичная историческая библиотека 674051 B165 360 1176/4

I.

Казацкая жизнь.

Кто не видалъ ночь на Дону при лунномъ свѣтѣ, не имѣетъ представленія о той своеобразной красотѣ пейзажа, который при такомъ освѣщеніи представляетъ особую прямо таки неотразимую прелесть.

Разбросанные по побережью хуторки казацкаго поселка. Кое гдѣ среди маленькихъ построекъ выдѣляются и двухэтажные дома. Маленькія окна домиковъ, крытыхъ соломой. Яркій цвѣтъ мазанокъ, куцые полисадники, примитивнаго устройства навѣсы скотнаго двора и конюшенъ, громадныя пуни, набитыя сѣномъ,—вотъ общая картина казацкаго житья.

Если въ домѣ хотя всего и одна коровенка, то лошадей обязательно три или четыре. Лошадь для казака не просто домашнее животное, а другъ и товарищъ, спутникъ жизни, какъ въ мирное время, такъ и тогда, когда на полѣ брани при неравной борьбѣ онъ уноситъ сѣдока подальше отъ вражескихъ пуль къ своимъ вѣрнымъ товарищамъ.

Если крестьяне прочихъ деревень между собой ведутъ вражду, ссорятся и спорятъ изъ-за пустяковъ, то характерная черта казачества—ихъ сплоченость, солидарность, которыя достигаютъ высшаго напряженія, когда призывные звуки къ охранѣ государства отъ вражескаго вторженія, ихъ зовутъ къ громкимъ и лихимъ дѣламъ.

Я росъ въ сравнительно интеллигентной семьѣ. Отецъ мой, сотникъ, имѣлъ порядочный хуторъ на Дону. Эту рѣку нашего казачества я сумѣлъ полюбить съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Вмѣстѣ съ прочими мальчуганами, сыновьями рядовыхъ казаковъ, я иногда плылъ на самодѣльной лодкѣ, а порою въ долбленномъ утломъ челнокѣ, пробирался сквозь высокій камышъ береговъ и заросли, тѣхъ многочисленныхъ рѣчныхъ впадинъ, которыя мѣстами бороздятъ красивую рѣку. Я научился грести однимъ весломъ на кормѣ, и мое самое любимое дѣло было, по колѣно копошась среди камыша, ловить раковъ голыми руками или сачкомъ.

Уже съ четырехлѣтняго возраста отецъ сажалъ меня на сѣдло впереди себя. Я вцѣплялся въ гриву и держался, какъ могъ. Пяти лѣтъ я уже самостоятельно, одинъ ѣздилъ на старой Воронихѣ. Такъ звали матку-кобылу, которой тогда безъ малаго было подъ двадцать лѣтъ.

На ней возили поземъ и воду, но въ общемъ ее не утруждали. Пахали на другихъ лошадяхъ. Отецъ любилъ свою великолѣпную, быстроногую лошадку «Стрѣла». Другую звали «Марфуша». Но быстрѣе всѣхъ впослѣдствіи оказалась «Зарница». Эта молодая кобыла караковой масти росла на моихъ глазахъ. Мнѣ ее подарилъ отецъ еще жеребенкомъ, когда мнѣ еще не было десяти лѣтъ.

Какъ всѣ жеребята, она вѣчно гналась за маткой.

«Марфуша»—ея производительница, тоже караковой масти, была проще «Зарницы» по своимъ статьямъ.

«Зарница» имѣла что-то очень благородное въ изгибѣ шеи, въ строеніи глазъ, а въ особенности въ смыслѣ красоты хода.

Она какъ-то особенно закидывала переднія ноги, описывая классическія фигуры, какія обыкновенно рисуютъ художники, изображая породистыхъ коней.

Это она унаслѣдовала отъ своего родителя, кровнаго арабскаго жеребца. «Марфушу» водили для случки въ сосѣдній хуторъ князя Цезарева, у котораго было

Государств. публичная историческая библиотека

нѣсколько чистокровныхъ арабскихъ жеребцовъ, или-же полукровки драченовъ.

Я съ малыхъ лѣтъ научился любить лошадей. Это такое умное животное, которое понимаетъ не только каждое слово, но даже улавливаетъ ваше настроеніе, любой жестъ и взглядъ.

«Зарница» знала даже мои привычки. Когда я ни пообѣдаю и въ фуражкѣ несу, бывало, ломти хлѣба, оставшагося отъ стола, черезъ весь дворъ нашего хутора въ каменную конюшню, «Зарница» гуляя на свободѣ, сейчасъ же подмѣтитъ. Ее не привязывали, тѣмъ не менѣе она обыкновенно находилась въ стойлѣ «Марфуши» и не отлучалась отъ своей матки.

Но въ послѣобѣденное время, когда я шелъ по двору, чтобы покормить хлѣбцемъ «Зарницу», она меня уже караулила посреди двора. И стоило показаться на террасѣ, какъ со ржаніемъ она бросалась мнѣ навстрѣчу, и весело подбѣгала къ моей фуражкѣ.

Но сама мордой она не лѣзла въ фуражку. Знала «Зарница», что я этого не люблю. Раза два получивъ за это хлыстомъ, она съ тѣхъ поръ терпѣливо ждала, покуда я ее самъ не покормлю.

Иногда, я бывало, нарочно за спину спрячу фуражку. Летитъ моя «Зарница» и вдругъ съ изумленіемъ видитъ, что шапки нѣтъ.

Она въ недоумѣніи останавливается, начинаетъ копытами нетерпѣливо бить землю и все искоса поглядываетъ на меня, но не подходитъ.

Но вотъ я повернулъ къ ней фуражку. Быстро лошадка повеселѣла, крутитъ около меня прыжками, загнувъ хвостъ трубою и чуть ли не прыгаетъ на меня.

Бывало, встрѣчаю ее на полѣ. Если я задумчивъ, она искоса поглядитъ на меня, но не подходитъ. Если же я иду посвистывая, съ поднятымъ хлыстомъ, надѣвъ шапку на бекрень, «Зарница» не отходитъ отъ меня.

Я всегда носилъ съ собою сахаръ въ свѣтломъ костюмѣ. Сдѣлали мнѣ въ Ростовѣ на Дону темный костюмъ. Иду по двору, а «Зарница» ко мнѣ не подходитъ. Очевидно она думала, что въ темномъ костюмѣ у меня сахара нѣтъ.

Съ третьяго года ея жизни я началъ ее слегка объѣзжать.

Отецъ мнѣ говорилъ, что это рано, но я его не послушалъ.

Конечно я не надѣвалъ на нее сѣдла. Тѣмъ не менѣе она слушалась уздечки.

Но разъ, забывъ, что она совершенно необъѣзженная лошадь, я близко подъѣхалъ къ какой-то канавѣ. Вдругъ моя «Зарница», какъ прыгнетъ въ сторону черезъ канаву, —я такъ и полетѣлъ кубаремъ.

Расшибъ я лѣвую ногу, исцарапалъ себѣ лицо и минуты двѣ не могъ придти въ себя.

«Зарницу» давно унесло и я, находясь въ добрыхъ трехъ верстахъ отъ своего хутора еле, еле добрелъ до дому.

Отцу я боялся разсказать объ этомъ инцидентѣ. Онъ бы меня еще выбранилъ за то, что я рано началъ выѣзжать молодую лошадь.

Залегъ я въ своей комнатѣ и молчу. Приходитъ мать.

— Что у тебя, Жоржикъ, болитъ?

Я упалъ съ берега,—совралъ я.

Мать повѣрила. Начала она класть компрессы на голову, лицо арникой смочила.

Съ берега легко было упасть. Около нашего хутора берегъ былъ крутой, каменистый, покрытый пнями, давно вырубленныхъ деревьевъ.

Мнѣ и смѣшно и больно. Какъ вспомнишь, бывало, лежа на кровати, какъ летѣлъ верхъ тормашками въ канаву, такъ сразу становилось смѣшно. И я невольно смѣялся надъ собою.

И до чего умное животное, моя «Зарница»!

Черезъ нѣсколько дней выхожу на дворъ. Видитъ меня «Зарница» издалека, не подходитъ.

Ну, —думаю, вѣрно не понравилось возить всадника.

Я тогда такъ и понялъ. Лишь нѣсколько лѣтъ спустя я позналъ ея характеръ. Оказалось, что кошка знала чье мясо съѣла.

Была у «Зарницы» дурная привычка кусаться. Разъ она укусила нашу коровницу. Такъ что вы думаете? На слѣдую-

щій день она отъ меня убѣжала, чувствуя, что ей попадетъ плетью за вчерашній день.

Съ четырнадцати лѣтъ я вмѣстѣ съ отцемъ участвовалъ во всѣхъ строевыхъ упражненіяхъ. Въ моемъ взводѣ я былъ самый младшій. Но, какъ наѣздникъ, я во много разъ превосходилъ моихъ товарищей. Взводный не молодой уже казакъ Акимъ, строго меня муштровалъ. Чуть что, какъ вытянетъ нагайкою, точно чѣмъ-то горячимъ обдастъ.

Горитъ, бывало, цѣлые сутки. Молчишь. Отцу сказать не смѣлъ, скажетъ: «по дѣломъ!»

А вотъ насчетъ джигитовки я былъ изъ первыхъ. Подвернусь подъ лошадь въ одно мгновеніе ока. Вишу, а самъ стрѣляю, на полномъ ходу, въ цѣль.

Вотъ съ пикой у меня дѣло долго не ладилось, но потомъ и это искусство одолѣлъ.

Хотѣлъ меня отецъ въ корпусъ опредѣлить, но я такъ сталъ его умолять этого не дѣлать, что онъ въ концѣ концовъ [illegible] достивился.

[illegible]щалъ я нашу казацкую школу, [illegible]ного читалъ. Исторія Россіи меня [illegible]его интересовала.

[illegible]ть у меня была хорошая. Я по [illegible]всегда имѣлъ круглый балъ. Всѣ [illegible] рѣкъ и притоковъ я зналъ на

[illegible]адцати лѣтъ я былъ форменнымъ [illegible]зачисленъ въ строй и уже удо[illegible]нашивки.

[illegible]елъ я какъ то годъ тому на[illegible] интригахъ австріаковъ. Взяло [illegible], почему это наши братья сла[illegible]пять за свою православную вѣру [illegible]ношеніе. Спрашиваю я отца.

[illegible]амъ не знаю, чего мы терпимъ,—

онъ.—Видно такая особая политика.

— А что такое политика?—спросилъ я.

— Политика дипломатіи, это торговая хитрость. Торговцы норовятъ какъ бы другъ друга лучше поднадуть, а дипломаты тоже самое стремятся другъ предъ другомъ.

Сталъ я допытываться, въ чемъ же мы сумѣемъ надуть австріаковъ. А мнѣ вотъ на это и отвѣчаетъ по своему.

— Вотъ мы притворяемся будто терпимъ и сносимъ обиду, а втихомолку дипломаты наши ждутъ только удобнаго момента, чтобы при случаѣ показать обидчикамъ, гдѣ раки зимуютъ. И такую мы имъ дадимъ трепку, что они вѣкъ не забудутъ.

Тутъ я понялъ и повеселѣлъ.

Вмѣстѣ со мною всѣ казаки читали газеты и толковали объ австріакахъ и нѣмцахъ, какъ о злѣйшихъ врагахъ нашего отечества.

Всѣ эти разговоры я хорошо помню. Сплю и вижу, какъ бы скорѣе подраться съ нѣмцами и все спрашиваю отца: скоро ли опять война будетъ?

Дурень, благодари Бога, что нѣтъ войны,—говаривалъ онъ.—Ты думаешь, что война сладкое дѣло. Тяжело на войнѣ.

Я хотя и слушаю его, да больно хочется скорѣй показать свою доблесть.

Вдругъ читаю, что австрійцы ультиматумъ послали Сербіи.

Возликовалъ. Верхнимъ чутьемъ чувствую, что быть войнѣ. Жду не дождусь каждой новой газеты.

Вдругъ по всему стану стало извѣстно, что завтра объявятъ мобилизацію.

На улицѣ гулянье. Всѣ другъ друга поздравляютъ съ походомъ. Дѣвки, бабы бѣлье готовятъ. Мы принялись за чистку сбруи, мундира и оружія.

Заточили мы наши пики. Словомъ все подготовили честь честью.

Вотъ была радость для меня.

На слѣдующій день пришелъ приказъ явиться къ воинскому. Мы съ отцомъ поѣхали. Меня зачислили въ другой полкъ. Отцу пришлось ѣхать въ Таганрогъ, къ своей части.

Черезъ два дня мы уже выступили въ походъ къ германской границѣ.

Весело мы подвигались съ пѣснями. Бывало по дорогѣ ночью бивуакомъ переночуемъ и опять дальше.

Наконецъ дождался я событій.

II.

Какъ взводъ казаковъ забралъ эскадронъ нѣмцевъ!

Нашъ полкъ бивуакомъ стоялъ въ двухъ верстахъ отъ перейденной наканунѣ границы Германіи.

Переходъ совершился безъ боя, ибо вѣсть о томъ, что идутъ казаки спугнула не только аванпосты, но даже и маленькія передовыя позиціи, разбросанныя съ нѣкоторыми промежутками вдоль всей германской границы. Такъ по крайней мѣрѣ намъ объяснялъ нашъ эсаулъ.

Мы засѣли на бугоркѣ около лѣсочка поближе къ кашеварамъ. Въ темной ночи эти маленькіе костры, а вѣрнѣе походныя кухни вносили въ нашу жизнь извѣстный уютъ.

Температура воздуха чисто лѣтняя. Мѣстоположеніе было довольно высокое и сухое. Палатки уже были расчинуты. Для нижнихъ чиновъ длинныя, точно корридоры, а для господъ офицеровъ по двое маленькія.

Небо заволокло тучами и легкій вѣтерокъ приносилъ запахъ лѣсной гари.

Гдѣ то слышался крикъ совы. Собаки залаяли и свищущій звукъ пронесся надъ нашими головами.

Послѣдовала команда: лечь! Я, находившійся около самаго лѣса, вскочилъ въ лѣсъ и прилегъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы мнѣ видно было сквозь прогалину, то, что творится на ближайшихъ возвышенностяхъ тянувшихся на нѣсколько верстъ вдоль границъ.

Снова раздался свистъ и въ верстѣ отъ меня что то грохнуло. Видны были огненные язычки и раздался трескъ лопнувшей шрапнели. Раздалась команда готовиться. Затѣмъ предложено было для рекогносцировки моему взводу, низомъ рѣки по берегу пробраться поближе къ нѣмцамъ, чтобы обозрѣть ихъ мѣстоположеніе и приблизительно опредѣлить мѣстонахожденіе артиллеріи.

Подъ покровомъ ночи мы сначала быстро понеслись вдоль рѣки покуда не выѣхали на дорогу, основательно натоптанную со слѣдами прошедшей по этой дорогѣ артиллеріи. Грунтъ былъ песчаный и зыбкій. Мы замедлили шагъ.

Вдали во тьмѣ ничего различить нельзя было. Извилистая дорожка вела насъ далѣе и далѣе отъ рѣки. Мы подъѣхали къ лѣсу. Привязавъ лошадей, спѣшились.

Гускомъ, по тропинкѣ, ведущей вдоль дороги, мы осторожно пробирались, пока не вышли на возвышенность.

Отсюда намъ открывался громадный горизонтъ. Верстахъ въ пяти мы распознали костры, гдѣ повидимому находился авангардъ.

Было около девяти часовъ вечера. Мы, лежа на животѣ, приняли наблюдательное положеніе. Мало по малу глазъ привыкалъ къ темнотѣ и мы могли отличить цѣлый рядъ окоповъ, тянувшихся въ нѣсколько рядовъ, амфитеатромъ на нѣсколько верстъ.

Вдругъ насъ оглушилъ рядъ орудійныхъ залповъ. Правда они были даны съ разсчетомъ на дальній прицѣлъ. Свистъ снарядовъ и грохотъ выстрѣловъ въ первый моментъ ошеломили насъ. Чувствуя себя въ полной безопасности, мы продолжали наблюдать.

По компасу я старался при помощи бинокля опредѣлить направленіе стрѣльбы, какъ и мѣстонахожденіе артиллеріи повидимому установленной въ двухъ верстахъ за позиціей, занятой германскими войсками.

Мы уже намѣревались вернуться къ нашимъ конямъ, какъ вдругъ по лощинѣ пронесся почти въ десяти шагахъ отъ насъ эскадронъ австрійскихъ гусаровъ.

Меня страшно подмывало выкинуть колѣнцо. Я скомандовалъ: спрятаться въ лѣсъ! Въ тотъ самый моментъ, когда они очутились въ шагахъ не болѣе пятидесяти, мы дали залпъ по послѣднему взводу.

Всадники такъ и посыпались съ лошадей. Эскадронъ на моментъ остановился. Мы дали второй залпъ, третій. Наконецъ, когда уже у насъ оставалось мало патроновъ я скомандовалъ: Къ лошадямъ!

Тутъ только поняли, какому риску мы подвергались.

Въ лѣсъ посыпался дождь пуль. Даже орудійные выстрѣлы и пулеметы были направлены на незначительный по площади лѣсъ. Я чувствовалъ, что-то обожгло мое лѣвое плечо.

Но разсуждать тутъ было некогда.

Едва мы успѣли вскочить на коней, какъ уже послышалась погоня за нами.

Впотьмахъ мы слегка, въ концѣ лѣсной дороги, могли отличить очертанія преслѣдовавшихъ насъ враговъ. Не останавливаясь и, пустивъ лошадей въ полный карьеръ, мы нѣсколько разъ оборачивались и давали залпы по преслѣдовавшимъ насъ кавалеристамъ.

Наши кони несли насъ, несмотря на темень по только что пройденной дорожкѣ.

Приближаясь къ опушкѣ, за которой находился нашъ лагерь мы, спѣшившись, возобновили огонь.

Но вдругъ мы впотьмахъ увидѣли, какъ наши казаки дальнимъ кругомъ обходили летѣвшій къ опушкѣ германскій эскадронъ.

Нѣмцы остановились и хотѣли уже спастись отступленіемъ, но было поздно.

Съ крикомъ: казаки идутъ! они бросились въ сторону. Лошади спотыкались, падали. Наши казаки дали залпъ по эскадрону. Произошло замѣшательство. Въ одинъ мигъ ихъ окружили.

Нѣкоторые нѣмецкіе офицеры махали носовыми платками. У одного изъ нихъ оказался даже маленькій бѣлый флагъ.

Вотъ такимъ образомъ мы заманили эскадронъ.

Плѣнныхъ пересчитали, а раненныхъ отправили на полевой амбулаторный пунктъ.

Не успѣли мы однако привести въ извѣстность всѣ трофеи, какъ возобновился орудійный огонь и авангардъ въ числѣ нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ выступилъ на выручку своего эскадрона.

Тѣмъ временемъ одинъ изъ нашихъ полковъ обошелъ ихъ лѣвый флангъ, тѣсня германскіе полки къ берегу рѣки.

Въ этотъ моментъ съ той стороны рѣки къ намъ подоспѣлъ одинъ изъ нашихъ драгунскихъ полковъ. Нѣмцы попали въ перекрестный огонь и въ безпорядкѣ отступили къ своимъ позиціямъ, оставивъ, какъ это выяснилось утромъ, около 6.000 убитыхъ и болѣе 10.000 раненныхъ на полѣ битвы.

Въ плѣнъ попало не менѣе 300, не считая рененныхъ.

Теперь только выяснилось, что съ двумя нашими полками сражалась цѣлая девизія, пока не подоспѣлъ къ намъ на помощь драгунскій полкъ.

Мы отдѣлались сравнительно легко.

На утро къ намъ подоспѣла наша артиллерія, открывшая опустошительный огонь по нѣмецкимъ позиціямъ.

Вскорѣ мы увидѣли столбы пыли, поднимавшейся отъ спасающихся отъ нашего огня дивизій.

Съ громаднымъ трудомъ мы по пятамъ везли нашу артиллерію. Поближе къ вражескимъ позиціямъ.

Вихремъ, съ гикомъ и со свистомъ два казацкихъ полка нагоняли нѣмцевъ.

Послѣ того какъ мы прогнали ихъ еще верстъ десять, намъ приказано было остановиться, такъ какъ штабъ опасался минированной почвы.

Мы передвинули свой лагерь къ возвышенности, гдѣ впервые увидѣли врага.

Окопы нѣмцевъ были полны труповъ. Лошади безъ всадниковъ, задравши хвостъ неслись по полянамъ. Наши пустились ихъ ловить. Многія изъ лошадей были ранены.

Когда наступила ночь, и серпъ луны показался изъ за тучъ меня позвалъ командиръ, которому я отрапортовалъ всѣ событія прошлой ночи.

— Молодецъ,—сказалъ онъ, ты будешь награжденъ.

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе,—отчеканилъ я. И дѣйствительно я былъ радъ стараться.

III.

Какъ казаки поднадули нѣмцевъ.

Не поспавъ болѣе полтора сутокъ я уснулъ крѣпкимъ сномъ. Утромъ меня разбудили.

Наши купались въ рѣкѣ повзводно. Запрещали купаться большими партіями, ибо не равенъ часъ, могли побезпокоить нѣмцы. До меня доходили слухи, что

пруссаки ждутъ подкрѣпленія, чтобы оттѣснить насъ снова къ границѣ.

— Это дудки,—рѣшили мы. Мы были твердо убѣждены въ дальнѣйшемъуспѣшномъ наступленіи русскихъ войскъ и не ошиблись. Къ девяти утра раздался сигналъ готовиться къ дальнѣйшему походу. Мы моментально выстроились на громадной лощинѣ. Корпусный командиръ и дивизіонные генералы проѣхали вдоль фронта. Заиграла музыка, и мы пустились въ двѣ колонны въ обходъ громаднаго озера, которое лежало на нашемъ пути.

Вдали виднѣлись селенія. Низенькая лютеранская кирка стояла при входѣ въ селеніе. Дома, хотя и каменные были убогаго вида. Населеніе попряталось и только пасторъ стоялъ съ крестомъ въ рукахъ, встрѣчая нашъ отрядъ.

Командиръ съ нимъ говорилъ, и повидимому пасторъ успокоился. Онъ закивалъ головою и ласково улыбался, провожая наши войска крестнымъ знаменіемъ.

Кое гдѣ изъ оконъ выглядывали любопытныя головки дѣтокъ.

Не смотря на воззваніе къ полякамъ нашего главнокомандующаго, польскіе и нѣмецкіе крестьяне все же со страхомъ глядѣли на насъ.

Очень ужъ ихъ напугали казаками.

И что только про насъ не разсказывали! Говорили, что мы ѣдимъ человѣческое мясо, пьемъ кровь и даже устраиваемъ для себя кровяную настойку на водкѣ.

О нашей доблести среди нѣмцевъ, какъ мы узнали отъ плѣнныхъ разсказывали цѣлыя легенды. Въ ихъ книгахъ даже писали, что казаки прямо съ сѣдла прыгаютъ на крыши домовъ. У нихъ есть даже разсказъ о казакѣ, которому отрубили голову и которая все таки срослась съ туловищемъ, какъ только въ горло казака влили водку.

Словомъ чудеса да и только. Теперь намъ стало яснымъ, почему нѣмцы такъ боялись казаковъ.

У нѣкоторой части нѣмецкой кавалеріи, также имѣлись пики, но къ нашему счастью они не умѣли ими пользоваться въ бою.

Тамъ, гдѣ надо было дѣйствовать пикой кавалеристы неумѣло ею размахивали, вмѣсто того чтобы колоть.

Вообще въ рукопашной нѣмцы только пользовались палашомъ. Рубятъ они здорово, если приходится имъ напасть на безоружнаго.

Но стоитъ нѣмцамъ поднести пику или штыкъ подъ самый носъ, какъ они, побросавъ оружіе, пускаются бѣжать.

Мы уже приближались къ озеру. Близко къ берегамъ нельзя было подойти. Тамъ было топкое болото. Мы съ радостью увидѣли по ту сторону озера колонны нашихъ войскъ. Диспозиція была исполнена въ точности. Минуя озеро, мы въ десяти верстахъ замѣтили нѣмецкія войска. Солдаты видимо усердно спѣшили окопаться. Позицію они заняли довольно выгодную въ стратегическомъ отношеніи.

Но едва они увидѣли съ двухъ сторонъ озера наши подъѣзжающіе колонны, какъ моментально открыли огонь изъ пулеметовъ.

Мы тотчасъ спѣшились. Лошадей отвели въ боръ и прилегли для большей безопасности.

Наша артиллерія стала отвѣчать и самъ простымъ глазомъ было видно, какъ снаряды разрывались надъ ихъ лагеремъ.

Теперь послѣдовала команда: «въ атаку». Мы быстро, не теряя времени бросились къ конямъ. Выстроившись въ разсыпную, мы вихремъ понеслись подъ свистъ пуль и шрапнелей къ нѣмецкимъ позиціямъ.

Выбивъ изъ первыхъ окоповъ нѣмцевъ, мы настигали бѣгущихъ и врѣзались въ самый лагерь.

Смѣло во флангъ ударилъ второй отрядъ.

Нѣмецкое войско дрогнуло и пустилось въ бѣгство.

Когда я уже приближался къ большой дорогѣ, по которой неслись вскачь лошади съ пулеметами наша артиллерія смолкла. Намъ приказали остановиться.

Очень ужъ хотѣлось добить этихъ трусовъ, но начальство приказало, и разсуждать было нечего.

Тутъ только мы замѣтили, что и среди насъ имѣлось не мало раненыхъ. Были и убитые.

Я оглянулся, ища командира. Но онъ, какъ оказалось, былъ раненъ. Очень мы пріуныли. Жаль было нашего славнаго генерала.

Да ужъ такое дѣло война. Сегодня живъ, а завтра убитъ.

Опять мы переночевали на новой позиціи.

До насъ доходили слухи, что подкрѣпленіе уже получено нашими врагами. Дѣйствительно на зарѣ мы видѣли длинныя вереницы на очень далекомъ разстояніи.

Намъ не приказано было вступать въ бой. Начальство готовило нѣмцамъ неожиданный сюрпризъ. Меня въ числѣ еще девяти человѣкъ послали на зарѣ съ особымъ порученіемъ, развѣдать количество прибывающихъ полковъ.

Едва взошло солнце и на горизонтѣ еще виднѣлись сильные туманы, мой взводъ (я уже былъ взводнымъ) легкой рысью по опушкамъ лѣса пробирался въ обходную къ главной дорогѣ, ведущей къ нашей границѣ изъ ближайшаго нѣмецкаго городка.

Но едва мы приблизились къ пригорку, какъ вдругъ увидѣли германскій патруль. Мы были замѣчены и повидимому привели въ смущеніе нѣмцевъ. Ихъ было штукъ двадцать.

Они дали залпъ. Я скомандовалъ: «подъ сѣдло» и повернулъ лошадей къ нашему лагерю.

Нѣмцы очевидно рѣшили, что однимъ залпомъ убили весь нашъ взводъ и погнались повидимому за нашими лошадьми, думая ими завладѣть. На одной изъ извилинъ, нѣмцы отстали. Мы моментально повернули лошадей и, какъ только къ намъ ближе подъѣхали наши враги, дали залпъ изъ своихъ винтовокъ.

Нѣмцы до того опѣшили, что остановились и даже не брались за оружія. Въ ихъ воображеніи вѣроятно рисовалось, что мы воскресли изъ мертвыхъ.

Когда они опомнились, изъ нихъ осталось только двѣнадцать человѣкъ. Мы ихъ окружили и начали бить.

Они поспѣшили сдаться.

IV.

Плѣненная „красавица“.

Что нѣмцы издѣваются надъ плѣнными, объ этомъ дошли и до насъ слухи, но тутъ воочію намъ пришлось убѣдиться въ курьезномъ фактѣ, произошедшемъ на нашемъ фронтѣ.

Наша застава готовилась къ ужину, когда извѣстно, что одинъ изъ нашихъ товарищей, еще наканунѣ посланной для развѣдки пропалъ.

По разсчету командира онъ долженъ былъ вернуться ни какъ не позже четырехъ или пяти часовъ дня.

Были посланы въ разныя стороны казаки, прослѣдить не случилось ли что нибудь съ Егоромъ Матвѣевымъ, такъ звали этого казака.

Парень онъ былъ лихой, не молодой, участвовалъ уже въ японской компаніи, имѣлъ награды и медали.

Ему была поручена очень серьезная развѣдка, а потому командиръ нервничалъ, самъ выѣзжалъ версты на три отъ нашей позиціи и долго смотрѣлъ въ свой призматическій бинокль, очевидно съ цѣлью розыскать слѣды Матвѣева.

Мы же поужинали. Покормивъ лошадей, готовивъ къ ночевкѣ, когда вдали услышали подозрительный звукъ, сразу признанный за конскій топотъ.

Выбѣжали мы на пригорокъ, видимъ, что вдали во весь опоръ къ намъ несется всадникъ.

— Онъ что-то везетъ, — крикнулъ Есаулъ Григорьевъ, направивъ на проселочную дорогу свой бинокль.

Чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ, тѣмъ болѣе было ясно, что Матвѣевъ на сѣдлѣ имѣетъ человѣческую фигуру.

Подъѣхалъ онъ къ палаткѣ командира и сразу осадилъ лошадь.

— На-те, берите грузъ,—крикнулъ Матвѣевъ, сбросивъ подошедшимъ къ нему казакамъ германскаго офицера.

Офицеръ былъ въ полузабытьи.

Уложили его на носилки санитары и понесли на перевязочный пунктъ.

Командиръ потребовалъ къ себѣ Матвѣева. Тотъ отрапортовалъ ему все свое приключеніе. Когда Матвѣевъ вышелъ отъ

командира мы его подняли на ура, стали качать.

Вотъ что разсказалъ намъ Егоръ Матвѣевъ.

— Выѣхалъ я на зарѣ, какъ вы знаете, разсчитывая снять часового кинжаломъ. Но чортъ меня попуталъ поѣхать рвомъ. Какъ на зло я тутъ наткнулся на проволочное загражденіе. Полетѣлъ я кубаремъ въ яму. Оказалось, что нѣмцы тутъ устроили ловушку. Бѣдная моя «Гнѣдка» расшиблась, проволока ей впилась въ самое тѣло.

Выкарабкался я, смотрю я щиколка «Гнѣдки» кровоточитъ. Досталъ я изъ подсѣдельника пластырь и только что началъ прилаживать, да подрѣзать волосъ на ногѣ лошади, чтобы лучше умѣстить пластырь, какъ слышу, въ шагахъ пятидесяти отъ себя подозрительный шорохъ. Я скокъ на лошадь, обошелъ проволочное загражденіе и думаю, что придется въ сторону взять.

Смотрю и вижу, что окруженъ нѣмцами.

Было ихъ на глазахъ человѣкъ 50.

Засада, какъ засада. Дѣлать нечего, придется сдаться.

Забрали меня, связали по рукамъ, посадили на свою лошадь и ведутъ ее въ поводъ.

Былъ между нами офицеръ, говорившій по русски.

— Ты на развѣдки ѣздилъ? — спросилъ онъ, подъѣзжая.

— Да ужъ это мое дѣло, зачѣмъ ѣздилъ, — отвѣтилъ я.

И такая взяла меня досада. Видно чортъ попуталъ.

Ѣду я молча. Винтовка, кинжалъ, холодное оружіе, патроны, все отобраны.

Вспомнилось мнѣ, какъ нѣмцы обращаются съ нашимъ братомъ.

— Ну, думаю умирать, такъ умирать, а только жаль, что не выполнилъ приказа.

А нѣмцы гурьбою ѣдутъ вокругъ меня, хохочутъ, видно глумятся.

И такое одолѣло меня зло такъ бы и разорвалъ всѣхъ этихъ проклятыхъ.

Подъѣхали мы къ ихъ лагерю. Верстъ на мой разсчетъ было не менѣе десяти.

За окопами тянулись палатки, а за

ними торчали ловко замаскированныя орудія.

Между артиллеріею и лагеремъ былъ маленькій пригорокъ и орудія были поставлены на самомъ рубежѣ верхушки холма.

Подвели меня въ палаткѣ, обшитой красной каемкой. Ну, думаю вѣрно тутъ ихъ командиръ живетъ.

Офицеръ, что забралъ меня, со своими взводами велѣлъ меня снять съ сѣдла. Руки мои были завязаны на спину, такъ что соскочить не оказалось никакой возможности.

— Держите его строго, должно быть скомандовалъ онъ по своему.

Вѣрно приказъ былъ строгій, такъ какъ одинъ схватилъ меня за одно плечо, а другой солдатъ за другое, да еще двухъ солдатъ съ винтовками поставили спереди и сзади.

Итакъ нѣмцы мнѣ вцѣпились въ плечо ногтями, точно какіе ястребы въ индюка.

— Хоть бы скорѣе кончили, — думалъ про себя.

Выходитъ ихній командиръ, съ красной подкладкой. Мундиришка чистый, что отъ портного, а морда заспанная.

Самъ онъ пиглица, какъ пиглица, въ чемъ душа только держится.

— Если бы этому, думаю, — самому командиру по нашему казацкому, да по мордѣ дать, такъ отъ сей балаки, развѣ козырекъ уцѣлѣетъ.

Смотритъ онъ на меня и во все рыло ухмыляется.

— Ты казакъ?

— Казакъ, — отвѣчаю я.

— Ты разбойникъ?

— Не разбойникъ, а слуга Его Величества Государя Императора.

Командиръ далъ знакъ и меня отвезли въ какую то палатку, въ которой лежалъ какой то раненый офицеръ и стоналъ.

Повалили меня на койку, связали ноги и прикрѣпили меня веревками къ самой койкѣ.

Лежу и думаю про себя, что вѣрно скоро поведутъ на разстрѣлъ, либо тутъ прикончутъ.

Вспомнилъ я всѣ моменты, какія зналъ,

Дома у меня женка была славная, да дѣтки ужъ не малыя. Слезу прошибало при одной мысли, что никогда ихъ болѣе не увижу.

— Казакъ проклятый, — бормоталъ онъ, продолжая стонать.

Видно ему отъ насъ влетѣло какъ слѣдуетъ.

Но на все воля Божія.

Сколько я такъ пролежалъ и непомню.

Лежавшій на другой койкѣ раненый офицеръ стоналъ.

Наконецъ я вздремнулъ.

Просыпаюсь идутъ какіе то.

Оказалось санитары. Забрали они офицера и вынесли ихъ палатки.

Опять полежалъ я часъ, другой. Ѣсть страшно захотѣлось. А ко мнѣ никто не подходитъ, только слышу, какъ часовой шагаетъ около палатки.

Вдругъ вижу ко мнѣ входитъ офицеръ. Только не тотъ, что меня захватилъ въ плѣнъ, а другой.

— Ты ѣсть хочешь?—спрашиваетъ онъ.

— Знамо дѣло хочу,—отвѣтилъ я грубымъ голосомъ и самъ подумалъ:

— Чего тутъ спрашивать?

Держатъ съ самой зари и не покормятъ.

Приказалъ офицеръ развязать руки и ноги. Скомандовалъ онъ должно быть принести мнѣ поѣсть. Дали мнѣ пирогъ, не пирогъ, а что то въ родѣ галетки.

Принесли воды. Напился я, закусилъ ихними галетами и немножко оправился.

Повели меня опять къ генеральской палаткѣ.

Стоитъ передъ палаткой ихній командиръ. Всѣ офицеры ему козыряютъ. Раздается смѣхъ.

Офицеры хохочутъ.

— Ты джигитовку знаешь? — спрашиваетъ командиръ.

— Такъ точно-съ.— Какъ же не знать.

— Покажи намъ джигитовку свою,— приказалъ онъ.

Отвели меня впереди окоповъ на лужайку. Мѣсто было ровное.

Окружили весь лугъ солдатами съ ружьями, а командиръ, сидя на «Гнѣдкѣ» приказалъ мнѣ подвести ихнюю лошадь.

Я смекнулъ въ чемъ дѣло.

— Тутъ мѣста мало,— заявилъ я, надо пораздвинуть кругъ, а то, негдѣ разойтись.

Приказалъ ихъ командиръ утроить площадь.

Началъ я стоймя ѣздить, на ходу соскакивать и вскакивать на сѣдло. Вижу командиръ особнякомъ подъѣхалъ къ углу площади. Я какъ на всемъ ходу со всего маху, какъ шарарахну командира, схватилъ его въ обхатъ подъ мышками и и перетащилъ на свое сѣдло. Далъ я своему коню шпоры и проскочилъ со своей «красавицей» въ брешь оставленную между солдатами.

Ихъ командиръ ерепенится, барахтается, ну тутъ я его немножко примялъ, да такъ, что закряхтѣлъ.

Солдаты то ихъ были спѣшены и только командиръ сидѣлъ на моей «Гнѣдкѣ».

«Гнѣдко» пустилась вслѣдъ за мною, хотя и прихрамывала.

— Ну,—думаю, пустятъ мнѣ пулю въ догонку. Обернулся я въ полуоборотѣ къ нѣмцамъ и держу передъ собою ихъ командира.

А ружья то у нихъ было на прицѣлѣ.

Лечу и вижу, что ружья опустили. Видно побоялись разстрѣлять самого командира.

Только „Гнѣдко“ стала отставать. Видно ей больно разцарапало загражденіе ногу, либо ушиблась падая во рву.

— Ура, закричали мы и снова принялись качать Матвѣева.

Подошелъ къ намъ нашъ Есауловъ.

— Молодецъ, Матвѣевъ, — крикнулъ онъ.

А мы еще пуще подбросили Матвѣева, а затѣмъ понесли его къ костру, гдѣ наши стали подогрѣвать для него ужинъ.

Вотъ какъ наши казаки поступаютъ!

V.

Казака не поймаешь.

Былъ еще такой случай. Попали мы цѣлымъ разъѣздомъ въ нѣмецкую засаду. Изъ подъ меня и еще одного товарища убили лошадей. Что дѣлать? Мы упали въ канаву.

Черезъ нее велъ деревянный мостикъ. Гнавшійся за нами эскадронъ уже приближался. Мы съ товарищемъ подползли подъ мостъ. Нѣмцы настигали нашъ взводъ. Когда они на двѣсти шаговъ отъѣхали отъ моста, мы вылѣзли и дали имъ нѣсколько залповъ въ спину. Такъ какъ это происходило на такомъ мѣстѣ, гдѣ съ боку шелъ лѣсъ, нѣмцы подумали, что въ лѣсу попрятаны казаки, которые ихъ ударятъ въ тылъ.

Они до того растерялись, что шарахнулись въ сторону, а тамъ попали на свою же нѣмецкую проволочную изгородь. Лошади попадали, произошло замѣша-

тельство. Нашъ взводъ остановился и далъ нѣсколько удачныхъ залповъ по нѣмцамъ. Пока они оправились уже половина изъ нихъ была перебита и ранена.

Остальная часть эскадрона скрылась въ безпорядочномъ бѣгствѣ.

Часа два спустя однако оказалось, что они нарвались на другой нашъ разъѣздъ и сдались.

Самымъ забавнымъ эпизодомъ былъ такой случай: Вызвался одинъ охотникъ изъ нашихъ казаковъ пробраться въ нѣмецкій лагерь ночью, чтобы тамъ распознать расположеніе артиллеріи.

По неопытности и злой случайности онъ попалъ въ плѣнъ.

Можете себѣ представить радость нѣмцевъ, когда они увидѣли у себя въ плѣну живого казака, во всей амуниціи.

Его водили въ штабъ, провели по строю и наконецъ рѣшили снять съ него всю обмундировку и послать эти трофеи самому императору Вильгельму.

Сказано — сдѣлано. Раздѣли казака до рубашки, даже кальсонъ не оставили и заперли въ какой то чуланъ.

Настала ночь слѣдующаго дня. Казакъ притворился, что спитъ, а самъ думаетъ: какъ бы ему отсюда выбраться. До своихъ было десять верстъ. Нарваться на форпостъ было очень легко. Но тутъ помогла непогода. Дождь шелъ проливной и стало темно — зги не видать.

Понаперъ на дверь со всей богатырской силой, казакъ Лощенко. Легкій трескъ, и замокъ поддался.

Вышелъ казакъ и сталъ вспоминать, какимъ путемъ сюда добирался. Ползкомъ по лужамъ, ощупывая каждый предметъ, онъ межъ палатокъ пробрался на поле. Притаился. Снова пустился въ путь ползкомъ; глазъ мало по малу привыкъ къ тьмѣ. Кое гдѣ небо отъ времени до времени прояснялось, и Лощенко былъ въ силахъ орiентироваться. Такъ онъ прошелъ версты четыре. Теперь онъ могъ отличать цѣпь отдѣльныхъ фортпостовъ.

Вслѣдствія непогоды, они закутались и даже забирались подъ стога. Съ большимъ трудомъ ихъ можно было распознавать по штыкамъ, торчавшихъ изъ подъ стоговъ.

Въ одномъ мѣстѣ онъ усмотрѣлъ навѣсъ, подъ которымъ нѣмцы видимо спасали отъ дождя непросохшій клеверъ.

Лощенко рѣшилъ, что тамъ вѣроятно сейчасъ прячутся отъ дождя нѣмецкіе часовые. И онъ не ошибся. Въ пятидесяти саженяхъ налѣво отъ этого навѣса была канава. Отъ сильнаго дождя ее переполнило до самаго края.

Теперь ему пришла мысль пройти канавой, по шею въ водѣ, чтобы выбраться изъ линій наблюденій нѣмецкихъ форпостовъ. Грунтъ былъ глинистый, топкій, ноги такъ и вязли, но Лощенко пробирался впередъ и съ радостью, наконецъ, замѣтилъ, что версты на двѣ отошелъ отъ навѣса.

Онъ рискнулъ выбраться на поле, сначала ползкомъ, а потомъ уже пустился со всѣхъ ногъ бѣжать къ дорогѣ, ведущей къ нашему лагерю.

Дождь такъ и хлесталъ. Поднималась буря. По долинѣ раздавался громъ. Гроза ярко освѣщала всю площадь. Но Лощенко, осѣняясь крестнымъ знаменіемъ, послѣ каждаго удара грома, продолжалъ бѣжать.

Послѣ холодной воды, ноги его плохо подвигались, но, согрѣвшись движеніемъ, онъ всетаки быстро достигъ нашего лагеря.

Мы только-что было собирались отвести лопатами образовавшіяся подъ нашимъ навѣсомъ лужи, какъ, къ общему изумленію, передъ нами предсталъ мокрый, весь измазанный Лощенко. Тутъ только мы узнали все то, что испыталъ этотъ смѣлый казакъ.

Одѣли его и представили по начальству.

Итакъ вся амуниція уже была направлена въ главную квартиру Вильгельма. Дѣло было не за большимъ, не было на лицо самого плѣнника.

И посмѣялись-же мы отъ души.

Но бѣднягу мы насилу отогрѣли, дали ему все сухое, напоили его сбитнемъ.

Посмѣялся командиръ, записалъ всѣ результаты развѣдки и приказалъ Лощенко свезти на амбулаторный пунктъ, опасаясь что смѣльчакъ простудился.

Но у казаковъ сложилась давнишняя пословица: что казаку здорово, то нѣмцу смерть.

— Ну попадись ты нѣмцамъ, — шутили мы, обращаясь къ Лощенко, — они теперь не мундиръ, а шкуру съ тебя сдерутъ.

Лощенко только посмѣивался себѣ въ бороду.

— Попадись они мнѣ, — говорилъ онъ, въ свою очередь, я ихъ живо прикончу!

VI

Подвигъ Игнатки Есаулова.

Мы находились наканунѣ наступленія. Намъ съ вечера было заявлено эскадроннымъ командиромъ, что на зарѣ вся дивизія двинется для подготовки наступленія армейскаго корпуса.

Поужинавъ мы завалились спать. Дежурные мѣрнымъ шагомъ проходили мимо нашихъ палатокъ.

Часть казаковъ уже уснула, но мнѣ не спалось.

Не то чтобъ тревога о грядущемъ, а просто нервное состояніе отъ той массы впечатлѣній, какая запечатлѣвается въ возбужденномъ воображеніи разгоряченнаго мозга.

Противъ меня съ боку на бокъ поворачивался Иванъ Хрущовъ. Ему тоже не спалось. Парень этотъ былъ молодой, большой любитель потрясающихъ впечатлѣній и головокружительныхъ приключеній.

Когда вызывали охотниковъ на какое-нибудь дѣло, Хрущевъ всегда лѣзъ въ первую голову. Его пріятель Игнатка Эсауловъ однако у него вчера перебилъ очередь.

Когда вызывали охотниковъ для предварительной рекогносцировки, выскочилъ Игнатка и сталъ просить эскадроннаго послать его.

Эскадронный согласился, Игнатка торжествовалъ и даже слегка подразнилъ Ивана Хрущова.

Обидно стало послѣднему. Всегда исполнялъ онъ порученія съ должнымъ рвеніемъ, и вдругъ осѣчка.

Иванъ еще за нѣсколько часовъ до ночевки, громко выражалъ свое неудовольствіе, что его молъ обошли.

Я посмѣялся, говоря, что успѣетъ еще, ибо нѣмцевъ на всѣхъ хватитъ, но Игнатка пріунылъ.

Теперь я вспомнилъ объ этомъ и мнѣ стало ясно, что Ивану не спится именно по этому случаю.

Я его окликнулъ. Онъ нехотя повернулся ко мнѣ лицомъ.

— Ты что?

— Да такъ ничего, — отвѣтилъ я, — просто хотѣлъ узнать, почему ты не спишь.

— Да что спать. Теперь, небось десять часовъ, а на зарѣ выступать будемъ.

— Такъ-то оно такъ, но все-же спать слѣдуетъ, — вразумлялъ я.

— А ты почему не спишь, — спросилъ онъ въ свою очередь.

— Да мнѣ вотъ не знаю, хоть что хошь, а не спится.

— Вотъ и мнѣ тоже.

Иванъ Хрущовъ замолчалъ, досталъ изъ подъ подушки портсигаръ и закурилъ папироску.

Пуская клубы дыма, Хрущовъ задумчиво глядѣлъ въ полотняный потолокъ и видимо о чемъ то сокрушался.

— Ты о чемъ думаешь, — спросилъ я.

— Да вотъ меня все безпокоитъ, какъ бы Эсауловъ въ просакъ не попалъ. Парень онъ неопытный. Гдѣ бы спѣшиться, онъ чего добраго близко подъѣдетъ и себя и насъ выдастъ непріятелю. А съ нимъ осторожно надо, вотъ какъ я намедни. Вѣдь на брюхѣ проползъ двѣ версты по рву, чтобы не замѣтили. Верхомъ бы вѣкъ не добраться, живо въ плѣнъ попалъ, ежели не убили бы.

— Да ты брось, Хрущовъ, ты не объ этомъ сокрушаешься. Просто зависть въ тебѣ говоритъ.

Хрущовъ вспылилъ.

— Я никому не завидую, но Игнаткѣ не сдоброваль, — воскликнулъ онъ.

Я не сталъ спорить и замолчалъ.

Хрущовъ, закуривъ папиросу, закутался въ шинель и вскорѣ уснулъ.

А мнѣ все не спалось. Въ голову

лѣзли разныя дикія фантазіи. Закроешь глаза, чудятся тебѣ не то змѣи, не то какіе то драконы или морды съ громадными носами и съ длинными ушами. Я тотчасъ открывалъ глаза и старался думать о предстоящемъ боѣ.

Взвинченные нервы опять рисовали самыя причудливыя кровавыя картины еще больше потрясавшія мое душевное состояніе.

Вдругъ слышу легкій трескъ и знакомый мнѣ стукъ копытъ приближавшійся къ нашей палаткѣ.

Я вскочилъ на ноги. Вижу часовой разговариваетъ съ Эсауловымъ.

Не успѣлъ я подбѣжать поближе, какъ Эсауловъ поскакалъ къ офицерской палаткѣ нашего командира.

Меня взяло любопытство. Я одѣлся и вышелъ на воздухъ. Завернувъ къ лошадямъ, стоявшимъ на привязи около фуры съ сѣномъ, я погладилъ своего коня и уже приближался къ своей палаткѣ, какъ вдругъ услышалъ тревогу.

Оказалось Эсауловъ высмотрѣлъ слабый незащищенный пунктъ на краю лѣваго крыла нашего непріятеля.

Онъ подкрался къ сонному германскому часовому, дремавшему около дерева и однимъ взмахомъ, прикладомъ винтовки раздробилъ ему черепъ.

Теперь предстояла задача завладѣть этимъ крайнимъ крыломъ фланга.

Пять минутъ спустя два взвода казаковъ, завязавъ копыта лошадей тряпьемъ легкой рысью приближались къ пригорку, за которымъ находилась добыча.

Около пригорка мы всѣ спѣшились и поползли за Эсауловымъ внизъ на ту сторону холма.

Глазамъ нашимъ открывался рядъ палатокъ, раскинутыхъ вокругъ группы фуръ съ амуниціей.

Лошади приткнулись къ возамъ и дремали. Мы перешагнули черезъ трупъ часового и подошли къ палаткамъ. По приказу сотника цѣпью раскинулись вокругъ палатокъ и по пяти человѣкъ ворвались въ каждую изъ нихъ.

Мы съ Хрущовымъ попали въ офицерскую, мигомъ набросились на сонныхъ и схватили ихъ за руки.

Мнѣ попался довольно здоровый нѣмецъ. Я схватилъ его правую руку, ибо онъ лежалъ на лѣвомъ боку, а онъ другой рукой меня угодилъ за горло. Да вѣдь какъ схватилъ. Ногтища такъ и впились. Я рванулся и повалилъ его наземь. Борьба шла не на жизнь, а на смерть.

Какъ то мнѣ удалось подвернуть его руку подъ спину.

Нѣмецъ мой закряхтѣлъ. Я стоялъ однимъ колѣномъ на его груди и держалъ его правую руку. Видитъ онъ, что дѣло плохо и запросилъ пардону.

Связалъ я его и поволокъ къ выходу. Вся морда его была въ крови, а глаза, что у лютаго звѣря злобно глядѣли вокругъ себя.

Такъ мы выволокли двухъ офицеровъ и одиннадцать нижнихъ чиновъ, а лошадей забрали 38 штукъ. Тутъ были и верховыя и фуражныя. Возовъ мы не тронули, ибо торопились. Приволокли мы всѣхъ плѣнныхъ еще на зарѣ къ палаткѣ командира.

— Молодцы, ребята!—крикнулъ нашъ бравый командиръ.

— Рады стараться ваше высокоблагородіе,—рявкнули мы.

— Тише, ребята, а то нѣмцевъ спугнете,—унималъ насъ командиръ.

Уже занималась заря. Ложиться не стоило.

Вскорѣ послѣдовала команда. Мы выстроились повзводно и цѣпью двинулись на врага.

Хрущовъ, ѣхавшій рядомъ со мною на сравнительно близкомъ разстояніи совсѣмъ пріунылъ. Ему видимо до смерти было жаль, что не онъ совершилъ блестящій подвигъ Эсаулова.

А подвигъ былъ дѣйствительно на славу.

Шутка сказать: трехъ офицеровъ и одиннадцать нижнихъ чиновъ, да еще 38 коней забрать у соннаго врага живьемъ, не потерявъ ни единаго изъ своихъ.

Эсаулова представили къ Георгію. И слѣдовало.

VII.

Подвигъ Козьмы Фирсовича Крючкова.

На германской границѣ, которую мы перешли въ многихъ пунктахъ, нашей сотни казачьяго полка было приказано установить наблюдательные посты.

Наши посты тянулись верстъ на десять. Дальше къ востоку стояла вторая сотня нашего полка, а къ западу третья.

Стояли другъ отъ друга на почтительномъ разстояніи.

Въ ночь вотъ какъ сейчасъ помню была чудная погода. Намъ разрѣшили раскинуть костры.

На нашемъ посту находилось пять человѣкъ казаковъ. Козьма Фирсовичъ Крючковъ, стана Усть-Хоперскаго, хутора Колмыкова, Иванъ Щигольковъ, Василій Остаховъ, Михаилъ Иваньковъ и Георгій Робачевъ.

Было около одиннадцати часовъ вечера, когда мальчонка Рогачевъ, Дмитрій, прозванный Митькой, явился къ намъ бѣгомъ, заявляя, что вдали, на лощинѣ видѣлъ шпіона.

Шпіономъ эти мальчуганы называли даже цѣльный непріятельскій развѣдочный отрядъ. Количества всадниковъ или пѣшихъ никогда отъ нихъ въ точности добиться нельзя было.

Услышавъ про шпіоновъ, мы всю ночь тихонько стояли на посту. Никто не смыкалъ глазъ. Огня не зажигали. Все ждали. А ночь была дивная. Вѣтеръ слегка убаюкивалъ. Къ намъ несло ароматъ скошеннаго сѣна. Такъ все напоминало тихую украинскую ночь.

А небо стало такимъ яснымъ и цвѣтъ-то его напоминалъ казацкое небо.

Лежу я на спинѣ и смотрю прямо на звѣзды. Какъ то стало вдругъ грустно на душѣ. Вспомнился родной хуторъ, мать, товарищи, Донъ... А тутъ я находился такъ далеко, далеко отъ родины. И когда-то еще я попаду обратно.

Да, всего бываетъ на войнѣ. На все воля Божья.

Все это мнѣ теперь думалось. Но мрачныя мысли вскорѣ были вытѣснены смѣшными воспоминаніями.

Привели къ намъ какъ то взятаго въ плѣнъ нѣмецкаго офицера. Нашъ эскадронный хорошо зналъ нѣмецкій языкъ. Разговорился съ нимъ и отъ души посмѣялся.

Потомъ онъ намъ какъ то вечеромъ на досугѣ и разсказалъ, отчего ему было такъ смѣшно.

Нѣмецъ, видите-ли ругался на казаковъ. Говорилъ, что эти не вояки, что ихъ манера драться варварская, не культурная.

— Помилуйте, — возмущался нѣмецъ, — одной рукой рубить, а другой кулакомъ въ зубы тычетъ, два зуба вышибъ. Развѣ это война. Развѣ такъ дерутся!

Разсказывая объ этомъ сѣтованіи, командиръ отъ души хохоталъ.

Да и какъ не смѣяться. Привыкъ нѣмецъ въ манежѣ фехтоваться по всѣмъ правиламъ искусства и забываетъ, что поле брани не манежъ. Тутъ во всякъ драться приходится, и руками, и ногами, и зубами, коли на то пошло. Война, такъ война. Разбираться не приходится.

Кругомъ все стихло, а я, вспомнивъ этотъ эпизодъ, громко разсмѣялся.

— Ты, что смѣешься? — окликнулъ меня Козьма Крючковъ.

— А такъ ужъ больно смѣшно, — отвѣтилъ я, напомнивъ ему эпизодъ съ плѣннымъ нѣмцемъ.

— А что на нихъ глядѣть-то, они на насъ тоже не смотрятъ! Ты имъ только попадись въ лапы, искромсаютъ, замѣтилъ Крючковъ.

Разговорились мы съ Крючковымъ. Рослый и красивый парень нашъ Козьма. Русый съ тонкими чертами лица, но высокій, ловкій и мускулистый. У себя числился, что ни на есть лучшимъ джигитомъ.

Въ третьемъ часу ночи начало немного свѣтать. Достали мы картошки, развели костеръ и на уголькахъ пекли ее. Поѣли мы съ солью этого вкуснаго кушанья. Крючковъ легъ соснуть, Остаховъ остался караулить, а Щикольковъ и Ивановъ ходили за сѣномъ для лошадей.

Смотрю я въ бинокль, вижу на западѣ по лугу пробирается веренница всад-

никовъ. Форма нѣмецкая. Идутъ они спѣшанные и водятъ въ поводу лошадей. Пройдутъ, пройдутъ, да вдругъ и скроются во рвахъ.

Подозвалъ я Остахова, далъ ему свой бинокль и указываю на подкрадывающихся нѣмецкихъ кавалеристовъ.

Остаховъ послалъ за Щегольковымъ и Иваньковымъ.

А Крючковъ всю ночь крѣпился, перемогался, а подъ утро уснулъ.

Бужу я его. Какъ скажу: „нѣмцы"! онъ сразу скокъ, да на ноги. Взялъ и Крючковъ бинокль, сталъ смотрѣть. Насчиталъ онъ ихъ двадцать семь штукъ.

Вдругъ видитъ Крючковъ, что они уже посадились и стали утекать черезъ холмъ, отдѣлявшій лощину отъ засѣяннаго овсомъ поля.

Крючковъ приказалъ осѣдлать лошадей. Не прошло и пяти минутъ, какъ мы поскакали вслѣдъ за нѣмцами. Рогачову поручили отвезти донесеніе по начальству.

Поскакали мы, но нѣмцы не видѣвъ насъ, свернули на югъ къ рѣчкѣ. Подвернулся намъ пограничный солдатъ, пробиравшійся къ нашему посту.

Пришили и его къ дѣлу. Крючковъ, Иваньковъ и я погнались за нѣмцами, а Остаховъ, Щегольковъ и пограничный пошли въ обходъ.

Нагнали мы съ Крючковымъ и Иваньковымъ ихъ на болотѣ. Но нѣмцы, не видѣвъ насъ, вдругъ нечаянно какъ повернулись къ намъ лицомъ, такъ и рты разинули.

Въ первый моментъ они опѣшили и видимо испугались казаковъ, но, видя, что насъ только трое бросились въ атаку. Это было на разстояніи двухсотъ шаговъ. Мы спѣшились и стали по нимъ стрѣлять. Они огня нашего испугались. Мы сразу троихъ убили. Стали нѣмцы отступать въ сторону. Мы опять посадились и бросились за ними въ догоню. Тутъ къ намъ подоспѣли Щегольковъ и Остаховъ, и мы всѣ погнались за нѣмцами.

Такъ мы проскакали верстъ шесть. Видя, что они недалеко, мы снова спѣшились, и стали стрѣлять по нимъ. Опять двухъ нѣмцевъ выбили изъ строя.

Разозлились нѣмцы и бросились къ

намъ въ атаку. Но покуда они еще подъѣзжали, мы уже убили ихъ офицера.

Нагнали они насъ, стали колоть Иванькова пиками. Крючковъ отбивался отъ трехъ нѣмцевъ, а я съ прочими казаками сражался въ кучѣ на всѣ стороны.

Ой, слабы нѣмцы въ рукопашной.

Щегольковъ одного сбилъ съ коня, а другаго нѣмца, размахнувшагося на него шашкою, сталъ рубить.

Но каска нѣмца только помялась. Тогда Иваньковъ ударилъ его палашемъ по шеѣ.

Голова такъ и покатилась, а лошадь понесла обезглавленнаго нѣмца, орошая землю потоками крови.

Остаховъ и Иваньковъ поскакали вправо отъ нѣмцевъ, а Щегольковъ влѣво.

Я отбивался отъ двухъ нѣмцевъ пикой. За Иваньковымъ и Остаховымъ гнались шесть человѣкъ.

Но имъ удалось поднадуть нѣмцевъ.

Они бросились съ крутаго берега въ рѣку и поплыли на другой плоскій берегъ. Нѣмцы попытались сдѣлать тоже самое и полетѣли кубаремъ. Не привычны ихъ лошади скакать съ высокаго мѣста внизъ.

За Щегольковымъ погнались три нѣмца. Былъ такой моментъ, что вотъ-вотъ, они его сейчасъ настигнутъ, но благодаря Бога Щегольковъ отъ нихъ отбился.

Видя, что погоня за Иваньковымъ, Остаховыхъ и Щегольковымъ безполезна, нѣмцы вдругъ гурьбой погнались за Крючковымъ.

Сначала онъ сражался съ тремя, но когда къ нимъ присоединились еще девять и ихъ стало двѣнадцать, Крючковъ ловко увернувшись, пустилъ лошадь въ карьеръ черезъ всякіе рвы и на шаговъ тридцать удалился отъ нихъ. Но ему пресѣкъ дорогу, взявшій въ обходъ, нѣмецкій унтеръ-офицеръ, размахнувшійся на него палашомъ. Крючковъ ловко отбился винтовкой. Но шашка унтеръ-офицера, скользнувъ по стволу, ранила Крючкова, надрубивъ три пальца.

Кровь брызнула, Крючковъ выронилъ винтовку, схватилъ свой палашъ и рубанулъ унтера по каскѣ.

Но каска только согнулась. Схватилъ

онъ его по спинѣ, но видимо подъ шинелью находилась какая нибудь предохранительная сѣтка, такъ какъ нѣмецъ сталъ уходить.

Крючковъ, пришпоривъ лошадь, нагналъ унтера и полоснулъ его по шеѣ. Кровь такъ и брызнула. Унтеръ свалился съ лошади.

Девять остальныхъ налетѣли съ пиками на Крючкова. Крючковъ рванулся въ сторону, ибо палашомъ ихъ не достать было, но вотъ одинъ изъ нѣмцевъ слетѣлъ съ лошади.

Мигомъ Крючковъ вырвалъ у него пику и ловко сталъ ею отбиваться отъ нѣмцевъ.

Подоспѣли теперь Остаховъ и Ивановъ. Сообща мы отъ нихъ отбивались, переколовъ почти всѣхъ.

Крючковъ еле держался на сѣдлѣ. Ему и Щеголькову досталось больше всѣхъ. А до перевязочнаго пункта было еще добрыхъ десять верстъ.

Проскакали шесть верстъ, а Крючковъ весь блѣдный чуть не валится съ лошади. Голова у него кружится и какъ онъ мнѣ тогда сказалъ, все тѣло его горѣло.

Выѣхали мы на большую дорогу. Ѣдетъ какой-то нѣмецъ на телѣгѣ съ высокими колесами. Слѣзли мы съ лошадей, усадили Крючкова и Щеголькова на телѣгу, да такъ и довезли до амбулаторнаго пункта.

Осмотрѣлъ докторъ лазарета Крючкова, оказалось у него на всемъ тѣлѣ шестнадцать ранъ и урубъ на трехъ пальцахъ.

У Иванькова было три раны и у Остахова одна—пикой.

Ну и лошади пострадали. У Крючкова на лошади было одиннадцать ранъ, а конь, на которомъ сидѣлъ Иваньковъ, получилъ десять уколовъ пикой.

Изъ двадцати пяти нѣмцевъ спаслось только пять человѣкъ. Но и они попали въ плѣнъ.

Вѣсть о доблестномъ подвигѣ Козьмы Фирсовича Крючкова пронеслась по всей границѣ.

Его посѣтилъ въ лазаретѣ корпусный командиръ, дивизіонный. Отрапортовали его Императорскому Высочеству главнокомандующему.

На другой день стало извѣстнымъ, что Крючковъ удостоился Высочайшей награды и Георгіевскаго креста.

Пожаловали ему золотое оружіе, поднесенное казаками.

Безпримѣрный подвигъ Крючкова привелъ въ такой ужасъ нѣмцевъ, что слава о немъ разнеслась далеко за предѣлы Россіи. О немъ знаютъ и въ Англіи и во Франціи. Вездѣ печатаютъ его портреты.

Повезли его лѣчиться. Къ счастью всѣ раны оказались неглубокими и незагрязненными. Доктора даже удивились.

— Не умѣютъ пикой колоть, — засмѣялся Крючковъ, — мало каши ѣли.

Съ тѣхъ поръ возглась: „казаки идутъ“! имѣетъ еще большее ошеломляющее вліяніе на ряды нѣмецкой арміи. Они панически бросаютъ свое оружіе и спасаются, кто куда можетъ, при одномъ крикѣ: „казаки идутъ“!

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Типографія В. С. Борозина, Петроградъ, Гороховая, 12 (уголъ Морской).

„Новая Всемірная Иллюстрація“ ПЕТРОГРАДЪ, Николаевская 22.

нтября с. г. еженедѣльно ПОСТУПАЮТЪ ВЪ ПРОДАЖУ

трированные выпуски вполнѣ законченныхъ беллетристич.
извѣстныхъ авторовъ, въ красивыхъ обложкахъ.

ергъ 25 сентября ВЫЙДЕТЪ ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ

я тайны Австрійскаго двора“

аписки графини **Маріи Ларишъ**, двоюродной сестры покойнаго наслѣднаго
а Рудольфа и племянницы убитой австрійской императрицы Елизаветы.

искахъ ярко и въ высшей степени интересно освѣщается роковой ро-
ога Рудольфа и знаменитой Маріи Вечера, романъ приведшій героевъ
таинственному и роковому концу. Записки Маріи Ларишъ, написанныя
айно увлекательно, помимо своей художественной правды, пріобрѣтаютъ
исключительный интересъ въ связи съ событіями настоящей войны.

Цѣна 5 коп.

Продолжается подписка на 1914 г. на еженедѣльный журналъ

Новая Всемірная Иллюстрація

(третій годъ изданія).

52 №№ сенсаціонныхъ разсказовъ, повѣстей и проч. **Все—въ иллюстраціяхъ.** Въ „Нов. Всеміри. Иллюстр.“ мы выбираемъ тѣ произведенія русской и иностранной литературы, которыя дышатъ правдой и искренностью таланта и могутъ пролить новый свѣтъ на ту или другую сторону жизни или красивымъ и правдивымъ прикосновеніемъ затронуть ту или иную сторону души.

2000 ИЛЛЮСТРАЦІЙ. **ВЪ ХУДОЖЕСТВЕНН. ОТДѢЛѢ** мы стремимся дать рядъ иллюстрацій эстетически и воспитательно цѣнныхъ и кромѣ того познакомить широкую публику, не имѣющую возможности слѣдить за всѣми выставками современнаго искусства, со всѣмъ что есть цѣннаго и выдающагося въ художественной жизни Россіи и Запада въ каждый данный моментъ.

Иллюстрированная хроника всемірной войны

Всѣ годовые подписчики на новую всемірную иллюстрацію получатъ безплатно въ концѣ года

ДРУЖЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1915 г.

Подписная цѣна: На одинъ годъ 2 р. 50 к.
На полгода . . 1 р. 25 к.
На 3 мѣсяца . . — р. 65 к.

съ доставкой и пересылкой.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Николаевская 22.

Отдѣльные №№ по 5 копѣекъ

Требуйте во всѣхъ городахъ

и на всѣхъ станціяхъ жел. дорогъ.

Типографія В. С. Березина, Петроградъ, Гороховая, 12 (уг. Морской). Тел. 470-37 и 465-94.